
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVIII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 70-летию юбилею российского ученого-монголоведа,
педагога, дипломата Лидии Григорьевны Скородумовой

St. Petersburg
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Лидия Григорьевна Скородумова — творец своей судьбы (<i>И. В. Кульганек</i>)	6
Список научных трудов, публикаций и переводов Л. Г. Скородумовой.	10
Поздравления друзей и коллег	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. И. Андреев. Материалы об экспедиционной деятельности П. К. Козлова в архиве Королевского географического общества в Лондоне.	21
Р. М. Валеев. Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX—начало XX в.)	30
И. В. Ерофеева. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII—середина XIX в.)	35
А. В. Попов. Монгольский официальный документ XIX в. о наемных работниках на цинских казенных пашнях	49
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. С. Дампилова. Шаманские материалы в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН	62
А. В. Зорин. Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН	67
И. В. Кульганек. К вопросу о монгольских паремиях	75
О. А. Сапожникова. Литературная сказка С. Буяннэмэха.	79
ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ	
Т. И. Юсупова. «Намечается большая совместная работа с Монголией»: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР	82
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
В. Ю. Жуков. Рец. на: «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко. 30 сентября—1 октября, 2015 г. Санкт-Петербург» (СПб.; Улан-Батор, 2016)	90
Р. Ю. Почекаев. Рец. на: <i>Дугарова С. Ж.</i> Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного ун-та, 2016. 332 с.	91
Л. Г. Скородумова. Рец. на: <i>Гомбожавын Мэнд-Ооёо.</i> Шилийн Богд. Роман. Улаанбаатар, 2015. 254 с.	94
Б. Б. Манджиева. III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.)	95
ПЕРЕВОДЫ	
Б. Баярсайхан. Наследник (перевод с монг. А. Соловьевой)	98
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Глава первая (перевод со старомонг. Л. Скородумовой)	100
Информация об авторах	105

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. Ю. Жуков. Рец. на: **З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко. 30 сентября—1 октября 2015 г. Санкт-Петербург (СПб.: Улан-Батор, 2016)**

Изданный сборник представляет собой публикацию материалов прошедшей в конце 2015 г. в Институте восточных рукописей Российской академии наук в Санкт-Петербурге международной научной конференции, которая была посвящена известному российскому монголоведу кандидату филологических наук, Почетному профессору Монголии Зое Кононовне Касьяненко — лингвисту, талантливому исследователю буддийской канонической литературы, преподавателю монгольского языка, более полувека проработавшей на кафедре монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Эта конференция и подготовленный по ее итогам сборник научных работ — дань уважения и признательности Ученому и Учителю.

Участник Великой Отечественной войны, кавалер высшей награды Монголии — ордена «Полярная Звезда», З. К. Касьяненко — автор учебного пособия «Современный монгольский язык» (1968; 2-е изд.: 2002), «Монгольского рукописного Ганджура» (1977) и составитель «Каталога петербургского рукописного „Ганджура“» (1993), автор многих работ по грамматике монгольского языка и по истории изучения Монголии в России, которые получили широкое признание, составив большой вклад в развитие монголоведения, буддологии и религиоведения.

Зоя Кононовна, которая в ноябре 2015 г. отметила свое 90-летие, пользуется заслуженным уважением и любовью учеников и коллег как человек, ученый, педагог и замечательный наставник, воспитавший не одно поколение исследователей в области монголистики, работающих ныне в различных монголоведческих центрах России и за рубежом. Они с гордостью могут сказать, что принадлежат к школе З. К. Касьяненко.

Рецензируемый сборник подготовлен двумя авторитетными востоковедными научными центрами — Институтом восточных рукописей РАН и Институтом языка и литературы МАН под эгидой двух академий наук — Российской и Монгольской и готовится к изданию на средства Правительства Монголии.

В нем нашли отражение основные проблемы, рассматривавшиеся на конференции, — лингвистика, литература, текстология, филологическое описание архивных документов, источниковедение, история и культура монгольских народов, буддийская

скульптура и живопись и др. Продемонстрированы современные подходы к изучению актуальных вопросов монголистики и новые методы научного исследования.

В сборнике приняли участие около 20 российских исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Элисты (Калмыкия), Сыктывкара (Республики Коми) и зарубежные ученые из Улан-Батора (Монголия), представляющие ведущие центры современного монголоведения и другие научные учреждения: Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета; Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (Москва); Институт восточных рукописей РАН; Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); Институт языка и литературы МАН (Улан-Батор, Монголия); Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар); Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста); Монгольский международный университет (Улан-Батор); Научный центр монголоведческих и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста); отдел Востока Государственного Эрмитажа; Российский государственный гуманитарный университет (Москва); Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Среди участников сборника восемь докторов и столько же кандидатов филологических и исторических наук, но есть и молодые, и будущие ученые — аспирантка Института восточных рукописей РАН Е. А. Кантор и студентка IV курса восточного факультета СПбГУ Д. Д. Селюнина, что подчеркивает научную преемственность.

Материалы сборника, посвященные изучению языка, культуры и истории монгольских народов и Центральной Азии, с интересом встречены специалистами-монголоведами, историками, культурологами нашей страны и Монголии, профильными учеными других государств, всеми, кто интересуется этой проблематикой.

Подготовленный по результатам проведенной конференции сборник научных работ «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко, 30 сентября—1 октября, 2015 г. Санкт-Петербург» (СПб.; Улан-Батор, 2016) свидетельствует о неуывающей традиции научного востоковедения, развитию монголоведения в нашей стране и Монголии и продолжающихся российско-монгольских научных связях.

Р. Ю. Почекаев. Рец. на: *Дугарова С. Ж. Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016. 332 с.*

История изучения монгольского права насчитывает уже не одно столетие, и его состояние, несомненно, требует подведения неких промежуточных итогов и оценки перспектив дальнейшего исследования. Эти задачи до некоторой степени решены в недавно опубликованной монографии С. Ж. Дугаровой, посвященной историографии монгольского государства и права, начиная с Монгольской империи, созданной в XIII в. и заканчивая периодом пребывания Монголии под властью империи Цин вплоть до рубежа XIX и XX вв.

Автор в течение ряда лет изучает проблемы историографии монгольского государства и права, опубликовала в рамках данной тематики несколько книг и большое количество статей и текстов докладов. Рецензируемая книга фактически представляет собой текст диссертации доктора исторических наук, защищенной автором в 2013 г., и, соответственно, своеобразным итогом изысканий С. Ж. Дугаровой.

Монография состоит из трех глав, каждая из которых включает несколько параграфов, при этом, как правило, один параграф посвящен историографии монгольской государственности в определенный исторический период, а остальные — проблемам изучения монгольского права. Соответственно, первая глава посвящена созданию империи Чингис-хана и ее правовой системы, вторая — государственности и праву империи Юань, третья — эпохе маньчжурского господства. Таким образом, сама структура книги отражает ключевые этапы развития монгольского права в том виде, в каком они представляются его исследователям.

Несомненным достоинством книги С. Ж. Дугаровой является активное использование монголоязычной исследовательской литературы — в особенности начала нынешнего столетия. Автор книги фактически знакомит читателей с рядом работ, которые по тем или иным причинам могут быть недоступны другим исследователям истории и историографии монгольского права, причем речь идет не только о монгольских исследователях, но и об авторах из КНР (Внутренней Монголии), а также японских специалистах, чьи труды С. Ж. Дугарова также использует в монгольских переводах. Вместе с тем автор, конечно же, не ограничивается собственно монгольской историографией, а демонстрирует хорошее знание и работ о монгольском праве на русском и западных языках. Правда, автор, по-видимому, не сочла необходимым включить в книгу библиографию, посвященную тематике ее исследования и появившуюся во время и после подготовки ею диссертации, так что последние по дате публикации источники и исследования датируются второй половиной 2000-х гг., что и вызывает некоторые нижеприведенные замечания касательно использования автором рецензи-

руемой работы литературы по тематике исследования. Впрочем, если книга была подготовлена сразу после защиты монографии и пролежала 3 года в издательстве Бурятского госуниверситета (что представляется вполне вероятным), то ряд замечаний относительно неиспользования автором новейших исследовательских работ начала 2010-х гг. автоматически снимается.

Способ подачи автором монографии материала представляется логичным и последовательным, что подчеркивается практически идентичной структурой глав (это опять же объясняется тем, что книга — переработанное диссертационное исследование). В результате ознакомления с работой у читателя формируется достаточно целостное представление об особенностях монгольского государства и права в определенный период времени и об основных тенденциях в их изучении. В этом отношении вполне можно согласиться с приведенными в предисловии к монографии положительными оценками, данными книге С. Ж. Дугаровой видными специалистами-монголоведами А. Т. Тумуровой, Т. Д. Скрынниковой, А. С. Железняковым и Е. И. Лиштованным.

Теперь позволим себе более подробно остановиться на содержании каждой главы книги.

Глава I, «Историография генезиса и начальных форм монгольского государства и права», посвящена, как уже отмечено, эпохе формирования Монгольской империи. Правда, первый параграф, «Особенности историографического исследования монгольского государства и права», представляется не вполне уместным именно в данной главе, поскольку отражает эти самые «особенности» и применительно к более поздним периодам, которые рассмотрены в следующих главах. Надо полагать, автор сочла целесообразным включить в книгу этот параграф из традиционной «историографической» части диссертационного исследования, в целом не вошедшей в монографию, однако, на наш взгляд, более логично он смотрелся бы в авторском введении к книге.

Поскольку в настоящей рецензии мы намерены в большей степени сосредоточиться на анализе автором книги проблем историографии монгольского права, мы не будем останавливаться на параграфах, посвященных монгольской государственности, а сразу обратимся к тем, которые освещают именно правовую историографию. Соответственно, в первой главе наибольшее внимание уделено Великой Ясе (автор использует монгольское название «Их засаг») Чингис-хана. С. Ж. Дугарова рассматривает в отдельных параграфах этимологию названия этого правового памятника, источники Великой Ясы, а также анализирует основные правовые институты, зафиксированные в ней.

Автор рассматривает различные точки зрения относительно Великой Ясы — как тех, кто считает ее сборником монгольского права или сводом законов, созданных Чингис-ханом (И. Н. Березин, В. А. Рязановский, Г. В. Вернадский, А. Поляк и др.), так и тех, кто отрицает создание Великой Ясы основате-

лем Монгольской империи или то, что она была кодифицированным законодательством (Д. Айалон, Д. Морган, Т. Д. Скрынникова и др.). Сама С. Ж. Дугарова, как можно понять, придерживается мнения о том, что Великая Яса все же представляла собой «сборник законодательных актов основателя Монгольской империи — Чингис-хана» (с. 66), хотя, как представляется, ей, возможно, следовало бы более четко определить свою позицию, поскольку соответствующий параграф монографии (1.4) создает впечатление больше описательности, чем анализа.

Вызывает некоторое недоумение утверждение С. Ж. Дугаровой, что «основными источниками древнего монгольского права» являлись тексты исторических сочинений, содержащих сведения о Монгольской империи, — например, «Сокровенного сказания», «Истории» Абу-л-Фараджа, «Сборника летописей» Рашид ад-Дина и пр. (с. 76). Вероятно, автор книги имела в виду, что эти сочинения являются источниками сведений о монгольском праве? По крайней мере, именно эта мысль вытекает из последующего анализа этих произведений и в большей мере соотносится с названием, целями и задачами монографии. Поэтому, например, характеристика этих текстов как «источников изучения Великой Ясы» (с. 81) представляется более удачной.

Завершающий параграф первой главы, «Основные институты монгольского права по *Их засаг*», представляет значительный интерес, однако, на наш взгляд, С. Ж. Дугарова, подобно ряду современных монгольских исследователей права Монгольской империи эпохи Чингис-хана и его ближайших преемников, преувеличивает значение Великой Ясы в регулировании различных сфер правоотношений. Несомненно, многие из них регламентировались не Ясой, а дополнительными источниками — в первую очередь указами (ярлыками), о чем сообщают и посетившие Монгольскую империю в 1220—1230-е гг. китайские современники Чжао Хун, Пэн да-я и Сюй Тин, записки которых, кстати, привлекает и сама автор.

Большой интерес представляет Глава II, «Историография Монгольского государства и права периода Юаньской империи», поскольку в современной отечественной историографии этот период, как ни странно, не привлек значительного внимания русскоязычных исследователей — в отличие от специалистов из Монголии, Китая, Японии, западных государств. Монголоязычная историография весьма широко привлечена автором при написании данной главы. Однако вызывает недоумение, что С. Ж. Дугарова, демонстрируя хорошее знание иностранной литературы по монгольскому праву, почему-то именно в главе о праве империи Юань не сумела учесть ее в достаточной степени, что повлияло и на ее выводы о развитии правовой системы в этот период времени. Автор книги упоминает об источниках юаньского права «Полный сборник законов», «Сборник законов», «Новый закон периода Чжюань», «Закон периода Да-дэ», которые известны ей по монгольской историографии (с. 176). Кроме того,

в число правовых памятников данного периода она включает и небезызвестную «Белую историю» — «Цаган тух» (с. 177), объективно, впрочем, отмечая мнение ряда исследователей, относящих ее появление к XVI в. (с. 180 и след.).

Соответственно, многие законы и указы императоров Юань оказываются за пределами анализа автора монографии. А между тем к данному периоду относятся многочисленные ханские ярлыки и жалованные грамоты, уже сравнительно давно введенные в оборот и многократно исследованные Э. Шаванном (начало XX в.), Н. Н. Поппе (1941), Ф. В. Кливзом (1940—1960-е гг.), Л. В. Кларком (1975), И. Т. Зографом (1984), М. Сугиямой (1988) и даже монгольскими исследователями начала XXI в. (в частности, Б. Сумьябаатаром и Д. Тумуртоого). Несомненно, характеристика этих работ существенно дополнила бы исследование по историографии права империи Юань и расширила бы представление о системе его источников. Ссылаясь на известный труд П. Рачневски, содержащий как исследование, так и перевод на французский язык отдельных цзюаней «Юань ши», имеющих юридический характер, автор монографии не использует не менее известную работу Г. Ф. Шермана (1956), также переведшего и исследовавшего цзюани «Юань ши» о налоговой системе империи Юань, хотя сама посвящает этому аспекту специальный параграф книги (2.3). Не учтены результаты многолетних исследований американского специалиста Б. Бердж, которая с 1990-х гг. подробно занимается такими вопросами, как система источников права Юань, регулирование ряда отдельных сфер правоотношений (в частности, положение женщин, различные статусы собственности и т. д.). Странно, что не привлечена С. Ж. Дугаровой также и работа П. Х. Чена (1979), содержащая английский перевод и исследование свода законов империи Юань «Чжюань синь-гэ» 1291 г. Наконец, с учетом многочисленности отечественных исследователей монгольского права эпохи Юань, странно, что автору рецензируемой монографии неизвестны работы Е. Ф. Баялиевой, которая с начала 2010-х гг. приступила к изучению одного из поздних сводов юаньского права «Чжичжен Тяогэ», фактически вводя этот юридический памятник в отечественный научный оборот и исследуя на его основе финансовую политику поздней Юань. Естественно, можно допустить, что в этих работах С. Ж. Дугарова могла и не найти нужной ей информации для характеристики тех или иных аспектов монгольского права в эпоху Юань. Однако, принимая во внимание, что ее целью было изучение историографии, отсутствие такого количества работ небезызвестных исследователей вызывает некоторое недоумение.

В результате вторая глава не отвечает ожиданиям читателей, поскольку, хотя и раскрывает ряд аспектов истории права Юань и, до некоторой степени, характеризует состояние монгольской историографии по данной тематике, характеристика юаньского права, его источников, институтов и норм далеко не

полна и в неполной же степени отражает состояние современной историографии по монгольскому праву этого периода.

Глава III, «Историография монгольского государства и права периода маньчжурского господства», охватывает третий из периодов развития монгольского права, достаточно широко освещенных в историографии благодаря значительному количеству сохранившихся от данного периода правовых памятников — как монгольского, так и маньчжурского происхождения. Переходя к эпохе, охватывающей XVII—начало XX в., автор монографии, таким образом, «опускает» довольно длительный хронологический период второй половины XIV—начала XVII в., от которого, впрочем, действительно сохранилось не так много не только юридических, но и исторических памятников, чтобы иметь возможность достаточно подробно изучить его государственность и право. Тем не менее отдельные монгольские правовые памятники этих «темных веков» сохранились и даже уже служили предметом исследования, в т. ч. автора настоящей рецензии, опубликовавшего работы о «законе» Мандухай-хатун (последняя четверть XV в.), об «уложении» Алтан-хана и «законе» Хутуктай-Сэчена (конец 1570-х гг.).

Нельзя сказать, что автор книги полностью забывает о правовых памятниках периода, предшествующего признанию монголами маньчжурского подданства. Во-первых, автор упоминает о «Восемнадцати степных законах» рубежа XVI и XVII вв., введенных в научный оборот Х. Перлээ и всесторонне изученных А. Д. Насиловым (с. 229—234), правда, по какой-то причине С. Ж. Дугарова использует не книгу А. Д. Насилова, содержащую перевод и исследование этого памятника, а его диссертацию (которую даже не включила в список литературы). Во-вторых, специальный подраздел посвящен «Актам эпохи ойратских союзов» (с. 234 и след.), среди которых, естественно, центральное место занимает монголо-ойратский законодательный свод «Их Цааз» 1640 г.

Правда, этот подраздел оказался каким-то причудливым образом включен в состав параграфа 3.3, «Характеристика монгольских правовых памятников», так что граница между монгольскими источниками доцинского и цинского периодов для читателя не вполне очевидна. В результате складывается впечатление, что автор книги относит вышеупомянутые «Уложение Хутагтай Сэцэн-хунтайджи» (1577) и «Уложение Алтан-хана» (1581) к памятникам цинского периода (с. 227). Это впечатление усугубляется еще и тем, что последний из упомянутых памятников рассматривается в книге уже после того, как автор монографии дает характеристику ряду монгольских сводов законов, относящихся уже к эпохе маньчжурского господства (с. 263). Впрочем, и в дальнейшем С. Ж. Дугарова в своем анализе памятников права легко переходит от юридических памятников цинского периода к более ранним правовым документам, не оговаривая при этом особенностей юридических текстов и датировок их происхождения. В результате у читателя, не имеющего

фундаментальных знаний по истории монгольского права XVI—XVIII вв. может сложиться не вполне корректное представление о правовой системе монголов в этот важный переходный период.

Не можем не отметить, что при характеристике «Уложения Алтан-хана» С. Ж. Дугарова сначала весьма подробно пересказывает исследовательскую часть нашей собственной публикации, посвященной этому правовому памятнику (с. 263—265), после чего практически дословно воспроизводит наш текст, лишь в отдельных случаях перефразируя некоторые фразы и обороты (с. 265—270). Однако С. Ж. Дугарова при этом корректно указывает источник заимствования, что избавляет нас от тягостной обязанности обвинить ее в плагиате, и остается только порадоваться, что она сочла возможным использовать нашу работу в своей монографии, лишь обратив внимание на некоторые некорректности, связанные с ее цитированием.

Обращаясь же непосредственно к монгольским памятникам маньчжурского периода, автор не проявляет оригинальности и сосредотачивается на хорошо известных отечественным монголоведам источниках — «Цааджин бичиг», «Халха Джирум» и «Уложение китайской палаты внешних сношений». Правда, на наш взгляд, С. Ж. Дугарова несколько усложняет свой текст для российского читателя, называя сборник «Цааджин бичиг» его монгольским наименованием «Монгол цааз бичиг» и приводя противоречивые мнения исследователей относительно даты его создания (с. 257—263). Аналогичным образом «Уложение палаты внешних сношений» («Лифаньюань цзэ-ли») в монографии фигурирует под названием «Хууль цааз бичиг», что также заставляет читателя обращаться к другим работам по истории монгольского права маньчжурского периода, чтобы уточнить, какой же правовой памятник имеется в виду под этим наименованием, вероятно, распространенным в монгольской историографии, но ничего не говорящим многим отечественным исследователям данной проблематики.

Как и в вопросе с правом империи Юань, С. Ж. Дугарова выстраивает характеристику монгольского права маньчжурского периода на основе наиболее известных кодификаций, игнорируя памятники «текущего законодательства» — отдельные указы императоров, акты административной и судебной практики, которые не только сохранились, но и регулярно вводятся в оборот как монгольскими, так и западными исследователями. Почему-то автор не привлекла текст «Улаан хацарт», представляющий собой «практическое приложение» к «Халха джирум» (сборник судебных решений на основе этой кодификации), а между тем этот памятник неоднократно публиковался на старомонгольском и современном монгольском языке, да и сама же С. Ж. Дугарова неоднократно упоминает его в монографии, правда, ссылаясь на монгольские исследовательские работы (с. 33, 40, 262, 274). Не учла автор книги и результаты изысканий ряда западных специалистов, касающихся вопросов административной и судебной практики и нашедших освещение, например, в трудах

Ф. В. Кливза 1986 г. (указ маньчжурского хана Абахая его монгольским вассалам 1640 г.), Г. Серруйса 1970-х гг. о монгольских правовых памятниках, касающихся регулирования хозяйственных отношений в Ордосе начала XX в., Ч. Р. Боудена (конец 1960-х гг.) и Д. Хойшерт-Лааге (1990—2010-е гг.) о документах, отражающих особенности монгольского уголовного права и процесса в XVIII—XIX вв. К тому же и при анализе истории изучения тех памятников права XVII—XVIII вв., которые подробно анализируются в монографии, автор не учла ряда русскоязычных работ. В частности, в монографии не упомянуто ни одной из многочисленных работ калмыцких ученых В. П. Санчирова об «Их Цааз» и Г. Ц. Пюрбеева о «Халха Джирум», опубликованных в начале XXI в.

Хотя, как отмечено выше, знание автором монографии современной монгольской историографии является несомненным плюсом, хотя в некоторых случаях, как представляется, ее привлечение избыточно. Так, не очень понятно, почему автор использует монгольские переводы тех иностранных источников и исследований, что хорошо известны и доступны в русских переводах, — например, Пэн да-я и Сюй-тина, И. де Плано Карпини, К. д'Оссона и др., а в некоторых случаях даже цитирует их по монгольским изданиям. Получается, что С. Ж. Дугарова использовала монгольский перевод и переводила его на русский, хотя вполне могла бы пользоваться профессиональными и хорошо известными специалистам переводами! Что она, впрочем, периодически и делает. Например, на с. 51 и 139 она использует русский перевод И. де Плано Карпини 1957 г., а на с. 109 — монгольский перевод этого же источника. Подобный подход был бы обоснованным, если бы автор изначально поставила целью проанализировать монголоязычную историографию (что она и делает в ряде своих предшествующих работ, опубликованных в процессе подготовки докторской диссертации), но поскольку такой задачи С. Ж. Дугарова не ставит, и речь опять же идет о монографии, посвященной историографии монгольского права, подобный недочет представляется весьма досадным.

Впрочем, выявленные недостатки, по нашему мнению, не могут снизить ценности книги С. Ж. Дугаровой, которая не только подводит промежуточные итоги в истории изучения монгольского права, но и формирует определенный задел для будущих исследователей данной проблематики. Соответственно, некоторые недочеты и спорные утверждения автора книги могут послужить отправной точкой для новых исследований, авторы которых, несомненно, будут опираться на монографию С. Ж. Дугаровой при изучении самых разных аспектов монгольского права и его историографии.

Л. Г. Скородумова. Рец. на: *Гомбожавын Мэнд-Ооёо. Шилийн Богд. Роман. Улаанбаатар, 2015. 254 с.*

Литературное творчество монголов начала XXI в. отличается широким тематическим и стилистическим разнообразием. В частности, в развитии прозы преобладает тенденция беллетризации повествова-

ния с использованием исторического и документального материала, с другой стороны, наблюдается явное стремление к сложной философской прозе с одновременным освоением стилистики модернизма. Роман, прочно занявший место в современном литературном процессе Монголии, и сегодня остается одним из ведущих жанров прозы, являясь олицетворением определенной философской системы понимания мира, формой выражения мировоззренческой позиции писателя.

Типологические черты современного монгольского романа можно проиллюстрировать на примере творчества известного монгольского поэта Г. Мэнд-Ооёо (1951), который, как и многие другие поэты, в последние годы все чаще стал обращаться к прозе. Поэтам в большей степени присуще глубинное органическое чувство языка. Язык — как бы самая основа поэзии, ее смысловая материя, порождающая образ мира и его судеб. Стихи и проза Г. Мэнд-Ооёо переведены на многие языки. В 2012 г. вышел роман «Святой» («Гэгээнтэн»), посвященный жизни и творчеству выдающегося монгольского поэта, просветителя и подвижника Д. Равжи (1803—1856). Перу Г. Мэнд-Ооёо принадлежит ряд художественно-публицистических изданий, освещающих историю и культуру родного края поэта Дариганги: «Синяя шаstra Дариганги» («Даригангын хөх шастир» (2004)); «Золотое обо» («Алтан овоо» (1993)), «Золотая шаstra Золотого обо» («Алтан овооны алтан шастир» (2008)), «Фольклор Дариганги» («Дариганга ардын аман зохиол» (2008)), совместно с Г. Ловором, «Искусство серебряной чеканки дариганги» («Даригангын мөнгөн уралал» (2012)), совместно с Л. Батчулуном и Ё. Бадарчем. И последняя книга Г. Мэнд-Ооёо роман «Гора Шилийн богд» («Шилийн Богд» (2015)) также касается исторического прошлого Дариганги.

Шилийн богд — название горы в местности Дариганга Сухэ-Баторского аймака. Здесь посреди ровной долины на возвышенности сохранилось около 200 потухших вулканов на высоте 1700 м над уровнем моря, и самый высокий из них — Шилийн богд.

Издrevле монголы поклонялись этой вершине, считали, что она прибавляет отваги и удачи мужчинам, выехавшим на восходе солнца.

Авторы новой прозы все время как бы предлагают игру между вымыслом и реальностью. В романе «Шилийн богд» происходит игра на грани прагматики внутреннего и внешнего текстов, конфликт между двумя текстами, каждый из которых претендует на большую подлинность. По мнению исследователей постмодернистской культуры, «этот конфликт вызван глобальной установкой культуры XX в. на поиски утраченных границ между иллюзией и реальностью. Поэтому именно построение „текст в тексте“ является столь специфичным для XX в»¹. В романе, напоминающем жанр магического реализма,

¹ Руднев В. П. Словарь культуры XX в. Ключевые понятия и тексты. Москва, 1999. С. 308.

описываются две параллельные реальности — жизнь соколов Агшуу и Эгшуу и полная приключений жизнь легендарного героя, сайнэра Тооройбанди. Птицы и одинокое дерево в Гоби служат метафорами, маркерами его трудной судьбы. Образ Тооройбанди панорамно развернут. В новаторском романе Г. Мэнд-Ооёо использует мифопоэтические приемы, а также повествовательные приемы летописания.

Этот роман дает основание полагать, что писатели уделяют вопросам философского осмысления жизни современного монгольского общества все больше внимания. Философская проза становится самостоятельным направлением литературного процесса.

Так или иначе, новейшая монгольская литература конца XX—начала XXI в. фиксирует процессы возрождения традиционализма, утверждения этнической самоидентификации, с одной стороны, и продолжение адаптации на национальной почве ценностных ориентиров преимущественно формалистических течений западной культуры XX в. — с другой. В методологическом плане это проявляется в отталивании прошлого опыта, отрицании, маргинализации реализма в широком смысле слова. С другой стороны, эстетическая платформа современного творчества предполагает органическое сосуществование самых разных художественных приемов.

III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.)

15—16 сентября 2016 г. в Элисте Республики Калмыкия состоялась III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования», посвященная 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и 50-летию отдела фольклора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Первая Международная научная конференция по эпосу «Джангар» была проведена в 2014 г. в Хобуксар-Монгольском автономном уезде Китайской Народной Республики, вторая состоялась в прошлом, 2015-м, году в Монголии, а третья была успешно проведена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-04-14101/16) в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН совместно с Институтом национальных литератур Академии общественных наук КНР, Институтом монголоведения Университета Внутренней Монголии (КНР) и Общественной организацией по изучению истории, языка и культуры ойратов Монголии «Тод номын гэрэл». Руководителем данного проекта является доктор филол. наук Т. Г. Басангова.

III Международная научная конференция по эпосу «Джангар» стала весьма представительной: в ней приняли участие в очной и заочной форме 73 человека. География участников была довольно обширна, на форуме выступили представители зарубежных стран — Китая, Монголии, Японии, Америки (видеодоклад), ученые из Кыргызской Республики, Украины, Азербайджана, Абхазии, а также участники из разных регионов России: Якутии, Бурятии, Алтая, Башкортостана, Республики Северная Осетия — Алания, Адыгеи, Дагестана, городов Москвы, С.-Петербурга, Новосибирска и других. На конференции были обсуждены актуальные вопросы современного состояния эпосоведческих исследований, изучения

фольклора монголоязычных народов, проживающих ныне в основном в трех странах — России, Монголии, КНР. Международная научная конференция объединила ученых из разных стран и различных регионов России, предоставив им возможность обсудить результаты проделанной работы и перспективы востоковедческих исследований в области эпосоведения, джангароведения и фольклора. Открытие III Международной научной конференции «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов...» проходило в Конференц-зале Дома правительства и началось с приветствий Главы Республики Калмыкия А. М. Орлова, Председателя Правительства Республики Калмыкия И. А. Зотова, Народного Хурала (Парламента) РК, Министерства образования и науки РК.

Научная часть пленарного заседания конференции включила ряд докладов, посвященных изучению калмыцкого героического эпоса «Джангар», устного народного творчества монголоязычных народов. Принципам и проблемам составления словарных статей толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» был посвящен доклад В. В. Кукановой, канд. филол. наук, директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Г. Ц. Пюрбеев, доктор филол. наук, проф., главный научный сотрудник Института языкознания РАН в своем докладе проанализировал мифопоэтическую картину в эпосе «Джангар», отражающую две модели мира — сказочно-мифологическую и историко-героическую. В докладе Президента Академии наук Абхазии академика З. Д. Джапуа освещались аспекты реконструкции архаических мотивов нартского эпоса в работах В. Г. Ардзинбы. Актуальным было выступление Д. Таи, профессора Института монголоведения Университета Внутренней Монголии, заместителя председателя Центра изучения эпоса «Джангар», за-

тронувшего такие связанные с проблемой изучения передачи устной традиции эпоса «Джангар» вопросы, как: утрата эпической среды, живого бытования эпоса, индивидуального исполнительства со всеми его уникальными особенностями (манера исполнения, богатство поэтической речи, специфическое пение, мимика, жестикация и др.), проблема возрождения исполнительской устной эпической традиции среди молодежи и детей. Также докладчик отметил принципиальное отличие «Джангара» от западноевропейских и других эпических шедевров, а именно то, что песни эпоса не принадлежат одному автору, а создаются усилиями многих поколений джангарчи и что в настоящее время остро стоит проблема сохранности эпического наследия. Доклад А. А. Бурыкина, доктора филол. наук, доктора ист. наук, ведущего науч. сотрудника Института лингвистических исследований РАН, был посвящен современным проблемам исторической поэтики эпических фольклорных форм. Ученым было выделено тринадцать особенностей героического эпоса. Пленарное заседание конференции завершилось докладом доктора филол. наук ведущего науч. сотрудника отдела фольклора КИГИ РАН Т. Г. Басанговой, посвященным одному из фундаментальных академических проектов — «Своду калмыцкого фольклора», в выступлении она отметила большую собирательскую, текстологическую, подготовительную работу авторского коллектива Свода — двуязычного академического издания, которое будет иметь большое научное и практическое значение, даст возможность фольклористам глубже исследовать проблемы калмыцкого народного творчества, выявить закономерности и особенности устной традиции калмыков, ее эволюции во времени.

На секционных заседаниях доклады прозвучали на калмыцком, русском, английском и монгольском языках. Исследования построены на материале разных эпических произведений тюрко-монгольских народов (монгольском, калмыцком, бурятском, башкирском, якутском, хакасском, шорском, тувинском, казахском, узбекском, азербайджанском, алтайском, южносибирских и иных).

Исследования многих докладчиков убедили нас в том, насколько широк размах изучения эпосоведения, проблемы, которые ставились в выступлениях, вызывали живой интерес аудитории. Много было вопросов, раскрывающих необходимость взаимосвязей разных народов. Достижением работы секций стало то, что эпос «Джангар» еще более расширил границы изучения и позволил ученым мира более широко взглянуть на возможные перспективы исследований.

С большим интересом были встречены доклады фольклористов из Китая: в докладе проф. Менкезая была освещена проблема изучения образов главных двенадцати богатырей эпоса «Джангар»; доклад проф. Нима содержал сведения о происхождении термина «элкен» и его распространении среди ойратов; проф. Урхал в своем докладе предложил ус-

рывать различия в терминологии в Монголии и Внутренней Монголии КНР и создать словарь фольклористических терминов. В докладе фольклориста из Якутии В. В. Обоюковой было отмечено, что эпическое пение олонхо отличают четыре стиля исполнения, а затем она исполнила фрагмент из олонхо, что вызвало большой интерес аудитории. Доклад Е. Э. Хабуновой затронул проблемы института эпического сказительства, прежде всего традицию овладения, исполнения, хранения и передачи в устной форме героического эпоса «Джангар». Проблемам сказительской традиции также были посвящены доклады М. М. Паштовой (г. Майкоп), Ц. Б. Селевой (г. Элиста). Многим аспектам изучения калмыцкого героического эпоса «Джангар» были посвящены доклады калмыцких фольклористов Б. Б. Манджиевой, Б. Б. Горяевой, Д. В. Убушиевой. В докладе З. А. Сиразитдинова (г. Уфа) освещались проблемы перевода кыргызского героического эпоса «Манас» на башкирский язык. С интересом был встречен доклад Р. Б. Унароковой, посвященный сопоставлению жанровых форм айнского и адыгского фольклора, исследователю удалось по-новому взглянуть на некоторые устоявшиеся теоретико-методологические принципы в изучении адыгского фольклора, в частности, на проблемы реконструкции его жанрового пространства. Изучению мотивов эпических традиций были посвящены доклады Д. В. Сокаевой, Е. Б. Дзапаровой (г. Владикавказ), Н. А. Оросиной (г. Якутск). Доклады Г. Р. Хусаиновой (г. Уфа), Н. О. Нарынбаевой (г. Бишкек) были посвящены вопросам сравнительного изучения эпосов тюрко-монгольских народов.

По завершении работы секции было проведено обсуждение, в котором участники отметили высокий уровень проведения конференции. В работе конференции в очной и заочной форме приняли участие свыше 70 человек, среди которых 2 академика, 27 докторов, 30 кандидатов наук, 3 аспиранта, 1 докторант, 10 научных сотрудников академических учреждений. География участия ученых охватила такие субъекты РФ, как: Республика Бурятия, Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Республика Адыгея, Республика Калмыкия. Кроме того, в работе конференции принимали участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, а также представители ближнего Зарубежья: Абхазии, Азербайджана, Кыргызии — и дальнего Зарубежья: Монголии, Китая, Японии, Америки.

Заблаговременно, до начала работы конференции, были изданы ее материалы: «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.). (Элиста: КИГИ РАН, 2016. 324 с. Объем 37,7 усл. печ. л. Тираж 300 экз.).

По итогам конференции была принята следующая резолюция:

Актуальность Международной научной конференции. С 15 по 16 сентября была проведена III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования», посвященная 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и 50-летию отдела фольклора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Организаторы Форума: Правительство Республики Калмыкия, Российский гуманитарный научный фонд, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова», Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР, Институт языка и литературы Академии наук Монголии, Общественная организация по изучению истории, языка и культуры ойратов Монголии «Тод номын гэрэл».

В работе научной конференции приняли участие аспиранты, ученые, деятели культуры научных учреждений г. Элисты, а также городов Санкт-Петербурга, Москвы, Майкопа, Махачкалы, Владикавказа, Якутска и др., зарубежные исследователи из Китая, Абхазии, Монголии, Японии.

Целью конференции было обсуждение актуальных научных проблем и результатов научно-исследовательской, научно-методической и научно-инновационной деятельности, обмен информацией о научных достижениях в области исследования эпической традиции и конкретно джангароведения как части мировой фольклористики. Тематика конференции была соотносима с заявленной — это эпическое наследие народов: проблемы сохранения и исследования, изучение «Джангара» в сравнении с эпосами народов мира, лингвистические, исторические и культурологические аспекты изучения эпического наследия, фольклорное наследие народов как живая традиция, «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов в этнокультурном пространстве, новые информационные технологии в сохранении и распространении фольклорного наследия.

К конференции был издан сборник докладов.

В рамках программных мероприятий конференции:

- Проведено пленарное заседание по актуальным проблемам современного эпосоведения.
- Организована работа секций.

- Организованы выставки научной литературы по проблематике конференции (Научная библиотека КИГИ РАН), Выставка, посвященная организатору отдела джангароведения КИГИ РАН профессору А. Ш. Кичикову.

На конференции состоялся плодотворный обмен мнениями по широкому спектру проблем изучения героического эпоса тюрко-монгольских народов, исследований по генезису эпоса; по современному подходу к сохранению и популяризации эпического наследия народов; по проблемам сказительства, лингвистического изучения эпоса путем внедрения компьютерных технологий.

Всего было прослушано 32 доклада.

Конференция, исходя из сложившейся в научном изучении эпического наследия тюрко-монгольских народов ситуации, рекомендует:

- Инициировать работу по включению героического эпоса «Джангар», калмыцкой протяжной песни, в список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.
- Продолжить работу по исследованию памятников эпического творчества: типологические исследования, историко-сравнительное, текстологическое изучение, в том числе с применением цифровых технологий. Сравнительное изучение эпосов дает богатый материал для расширения межкультурного диалога и укрепления сотрудничества между народами.
- Издать с привлечением научных фондов России многотомное издание «Свод калмыцкого фольклора», в котором 5 томов будут принадлежать героическому эпосу «Джангар».
- Разработать и реализовать совместные международные научные проекты по изучению героического эпоса «Джангар» в разных эпических традициях.
- С целью развития, изучения и сохранения эпического сказительства калмыков поддерживать деятельность Музея Ээлян Овла и Дава Шавалиева.
- Усилить экспедиционную деятельность в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН с целью расширения ареала полевых исследований для углубления научного знания и решения глобальных вызовов времени в области филологических наук.
- Переиздать работы калмыцких фольклористов, результаты полевых исследований.

Б. Б. Манджиева